

О НЕКОТОРЫХ ТРАДИЦИЯХ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВА В РОССИИ

Все чаще в литературе по проблемам предпринимательства появляется стремление сравнить разные поколения российских предпринимателей и сделать вывод о том, сохраняют ли современные бизнесмены традиции дореволюционной предпринимательской культуры или это совершенно новые ценностные ориентации и культурно-этические традиции.

Прежде чем ответить на поставленный вопрос, сделаем исторический ракурс и дадим обобщенную психологическую и функциональную характеристику дореволюционного российского предпринимателя. Среди многих определяющих в его образе являются следующие: это грамотный, целеустремленный, умеющий постоять за себя человек. Он нацелен на познание нового, стремится к освоению новых рынков, источников сырья, умеет использовать все новейшие достижения для процветания своего дела.

Какова же мотивация деятельности дореволюционного предпринимателя? Это жажда наживы, стремление к материальному благополучию, желание обустроить собственное дело. В современной литературе часто приходится сталкиваться с недооценкой значения индивидуализма и практицизма как мотивации деятельности российского предпринимателя. Нередко делается попытка обосновать чисто российский, «самобытный» путь предпринимательства, в основе которого лежали такие ценности, как соборность, гармония интересов индивида и общества, справедливость, бескорыстие, презрение к стяжательству и богатству. В качестве примера авторы приводят активную благотворительную деятельность деловых людей. Так ли это? Ведь и в этой деятельности присутствовали разные мотивы. Одни делились с бедными потому, что боялись быть отлученными от церкви, другие хотели повысить свой социальный статус, третьи стремились оставить свое имя в памяти потомков.

Конечно, дореволюционная предпринимательская культура была тесно связана с православием. В отличие от протестантской религии, где богатый человек приравнивался к богоизбранному, а успех и накопленное богатство определялись как путь спасения верующего, в православ-

ной религии всегда присутствовала идея о том, что большие деньги нельзя заработать честным путем. В православии высшие религиозные устремления реализуются в сферах духа и ритуала, отделенных от повседневной мирской жизни. Православие не сформировало специфической хозяйственной и предпринимательской этики. Трудолюбие верующего было лишь одним из средств внешнего самосовершенствования, в то время как главным оставалось служение духовное.

Исключением из правил стало лишь старообрядчество. В литературе есть мнение, что причина большого трудолюбия и предпринимательской активности старообрядцев в том, что религиозный раскол, изоляция и самоизоляция староверов от общества произошли в момент, когда в народе были сильны ожидания близкого пришествия Антихриста и конца света. У гонимых раскольников эти ожидания порождали стремление выделиться из общей массы благочестием, твердостью нравственных принципов, безупречным следованием заповедям и традициям. В этом стремлении к нравственному превосходству над большинством якобы и крылась причина их трудолюбия. Думается, что это не совсем так. Гонения со стороны государства заставили староверов искать разные источники деятельности. Староверческие общины, из которых вышли династии Гучковых, Кокоревых, Рябушинских, Солдатенковых, не могли жить на доходы от земледелия, так как земли, на которых они оказались в результате гонения, были очень скудными, поэтому они вынуждены были выживать в трудных условиях и труд воспринимался ими как повседневность, как неотъемлемая часть человеческого бытия. Вместе с тем старообрядчество, одобряя приобретенное трудом богатство, осуждало нарушение моральных норм, возможность приобретать богатство обманным путем, а также стремление выделиться из общей массы.

В литературе по предпринимательству можно встретить мнение о том, что значимой ценностью, обосновывающей предпринимательскую активность, было служение высшему общественному и общественно-государственному идеалу. Часто в качестве доказательства приводят выдержки из письма Павла Третьякова к дочери: «Моя идея была с самых юных лет – наживать для того, чтобы нажитое от общества вернулось также к обществу (к народу) в каких-то полезных учреждениях, мысль эта не покидала меня всю мою жизнь». Едва ли следует быть столь категоричными. Образ дореволюционного российского предпринимателя слишком неоднороден для таких выводов: среди них были и самодуры,

и рвачи, и безбожники, жулики, и мошенники. Их мало беспокоила идея служения Родине, они жили сиюминутной выгодой. Другое дело, что не они определяли настроение основной массы российских предпринимателей.

Не следует преувеличивать и социальную направленность дореволюционного бизнеса. Утверждение, что молодые предприниматели России в начале XX в. стали отказываться от благотворительности в пользу непосредственной социальной защиты своих рабочих и создавать ремесленные училища, строить школы, детские сады, библиотеки, не выдерживает критики. Прохоровы и Морозовы, конечно, были, но это скорее исключение из правил. Если бы социальная ответственность дореволюционных предпринимателей была так значима, то российское общество рубежа XIX–XX вв. не раздирали бы социальные противоречия, не было бы массовой бедности и бесправия рабочих. Наконец, Россию не потрясли бы революционные взрывы. Это следует учесть и современным российским предпринимателям. На Западе понятие «этика бизнеса» давно не ограничивается взаимоотношениями между предпринимателями, а включает в полном объеме взаимоотношения бизнеса и общества. Сюда входит прежде всего проведение социально ответственной политики в области инвестиций, занятости, охраны окружающей среды.

Сделаем выводы. Сравнить традиции дореволюционных и современных предпринимателей очень сложно: традиции первых складывались веками, вторых – десятилетиями. Во-первых, не следует идеализировать дореволюционных предпринимателей, даже представляя их в общей массе. Во-вторых, дореволюционные предприниматели, в первую очередь крупные, вышли из низов, сегодняшние – выходцы из советской номенклатуры, теневой экономики и даже криминала. В-третьих, объединяет тех и других в первую очередь то, что они не стали обособленными субъектами хозяйствования и полностью зависели от воли чиновника, а существенная разница между ними в том, что дореволюционные предприниматели чувствовали себя гражданами России, так или иначе приумножали ее национальное богатство. Современные монополисты, получившие волей случая в собственность целые отрасли, в большей степени укрепляют экономику Европы и Соединенных Штатов, вкладывая в нее огромные средства. За годы реформ 1990-х гг. инвестиции в Россию составили 40 млрд дол. США, а отток капиталов – не менее 150 млрд дол.